

М. Л. Лурье (С.-Петербург)

РЯЖЕННЫЕ-МАСТЕРА НА СВЯТКАХ

Так называемые профессиональные маски в общем фонде персонажей святочного обрядового ряженья обращают на себя внимание своей чрезвычайной распространенностью. Задавшись целью зафиксировать всех известных локальным традициям персонажей, называемых по роду профессиональной деятельности и оправдывающих эти имена в своих игровых действиях, мы получили бы весьма внушительный список. Кузнец (коваль), мельник, сапожник, шерстобит, котовал, горшечник, охотник, рыболов (рыбак), лесник, доктор (лекарь, «фершал», акушерка), коновал, фотограф — вот далеко не полный реестр ряженных-мастеров, демонстрирующих каждый свое ремесло на святочных посиделках. Этот ряд нужно дополнить, во-первых, безымянными персонажами, совершающими в игре те или иные «специализированные операции» (например, «точить веретена» «печь блины», «плести лапти») и, во-вторых, такими героями ряженья, как поп, судья (воевода), сборщик, ревизор, секретарь и т. п., которых трудно причислить к разряду «мастеров», но которые в игре всегда исполняют «свою работу», выступая, таким образом, в первую очередь именно как носители профессиональных, а не социальных (сословных) характеристик.

Специальных работ о ряженных-мастерах нет, однако некоторые исследователи высказывались относительно обрядового смысла профессиональных масок в числе прочих традиционных фигур ряженья. Так, А. К. Байбурин отмечает, что все персонажи «в той или иной степени связаны со сферой чужого и противопоставлены своему во всех актуальных для данного коллектива планах: социальном (шерстобиты, коновалы, солдаты), этническом (цыгане, арапы, турки), в плане принадлежности нечеловеческому, звериному (бык, козел, медведь и др.), колдовскому (черт, нечистики и др.), миру смерти (покойник, деды) и вообще дальней стороне («дорожные люди»)¹. Некоторых персонажей-мастеров в числе чужих, инородных для крестьянского мира, называют также В. Я. Пропп и Л. М. Ивлева². Таким образом, профессионализм

© М. Л. Лурье, 2000

¹Байбурин А. К. Ритуал: старое и новое // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти Сергея Александровича Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. М., 1994. С. 36—37.

²Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 111; Ивлева Л. М. Ряжение в русской традиционной культуре. СПб, 1994. С.219.

как частный случай иносоциальности рассматривается в рамках этого подхода в качестве одной из конкретизации «чужести» — общего значения мира персонажей ряженья — и ставится в один ряд с такими факторами, как иноэтничность, зооморфность, инфернальность и т. д.

Другие интерпретации, предлагаемые теми же учеными и дополняющие данную, связаны с представлением об актуальности для обрядового ряженья (и, соответственно, для того ритуала, который оно обслуживает) мифологической семантики всех его персонажей, в частности персонажей-мастеров. «Как результат наших наблюдений, — пишет Л. М. Ивлева, — напрашивается вывод о том, что „профессиональная“ в изображении кузнеца и мельника подчиняется мифологической трактовке кузнечного и мельничного ремесел (в их отношении к браку, плодородию, акту творения), а следовательно, сложным образом опосредована. В равной мере это может быть распространено и на другие персонажи, которые принято рассматривать в связи с отдельными „земными“ профессиями. К их числу относятся, между прочим, плотник, печник, пекарь, рыболов, действия которых в ряженье откровенно эротизированы»¹. В русле того же подхода А. К. Байбурич рассматривает образ святочного кузнеца в связи с символикой старого/нового⁴.

Изложенные подходы представляются вполне убедительными, но в то же время недостаточными, так как исследователи не ставили перед собой цели объяснить специфику именно этой группы персонажей ряженья, а, наоборот, рассматривали их в ряду прочих.

Целесообразно обратиться непосредственно к рассмотрению действий, совершаемых окрутниками — мастерами в игре, и попытаться выявить общую для них идею. Продемонстрируем акциональное поведение ряженых-профессионалов на нескольких примерах:

«На святки... горшешники всяки приводят — тоже игра опять. „Горшки делают“ : „стукают“, „месят глину“ — хлещут плетью человека, ну не шибко, а так, так игра показана. Они ничо не делают горшки, а только показывают, как горшки делают»⁵.

«Сапожником [наряжались]. „Ну-ко подойди, давай твою ногу сюда“. Ногу ты подашь, он мерит, потом возьмет — и платье подымет. Вот это гляди за ним. Ну вот, и скажет: „Сошью тебе сапоги“»⁶.

¹Ивлева Л. М. Указ. соч. С. 224.

⁴Байбурич К. А. Указ. соч. С. 37—38.

⁵Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Вып. 26. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 173.

⁶Лурье М. Л. Эротические игры ряженых в русской традиции (по дореволюционным публикациям и современным записям) // Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост.-ред. А. Л. Топорков. М., 1995. С. 204.

«Блины пекли, это было точно, помню. Мальцы принясут, значить, с улицы снега, в ступку такую деревянную положуть — это как бы масло, что ли. Лопату такую возьмут и этой лопатой девкам под жопу. Девки визжать, убегают от них, а мальцы за ними да за ними. Это было, да»⁷.

«В избе играли... коновалы. Приходят, значит. А хозяин народится тоже в бане. «Вот этого надо окастрировать у меня!» И полпопы отрежет ножиком... И подводят [пойманного к коновалу]. И пластат там... да где-ко у ново угол ли, чо ли, полпопы отрежет»⁸.

Ряд примеров можно было бы продолжить, но и другие дают сходную картину: очевидно, что практически все персонажи-мастера участвуют именно в тех играх, которые в качестве кульминационного предполагают момент ритуально-игрового контакта ряженого с неряженым. Контакт этот может осуществляться в форме ударов, щипанья, поцелуя, иметь вербальную форму и т. д.⁹

Но действие в ритуальной игре ряженных имеет два содержательных плана — реальный (что делают наряженные) и игровой (что они этим изображают). Интересующие нас персонажи своим битьем, целованием, скабрёзными высказываниями о присутствующих обычно представляют производство (кузнецы, котовалы, блинопеки); починку и лечение (доктор); продажу (торгованы); оценку и сортировку (лесники, рыбаки); добывание рыбы, зверя (рыболовы, охотники). Все это акты, так или иначе трансформирующие действительность, меняющие положение вещей в мире.

Теперь посмотрим, какие роли получают неряженные, включаемые в игру, нередко против своей воли. «Кузнецы придут: „Кому чево ковать?“ „Чо тебе ковать?“ Другой скажет, к примеру: „Железну кровать“. Они берут пучок соломы и положат на наковальню и зтима бьют, из соломы плеткима... и приговаривают: „Куюм кровать, куюм кровать!“ „Сковали“ и говорят: „Давай расчёт!“ [Заказчик] подставляет им спину. Они и бьют: каждый по разу»¹⁰.

«А там два котовала — дальше, на западне. А тут [впереди] стоят два шерстобита. Человек подходит. „Какне вам надо валенки?“ — „А мне, -- говорит, — небольшие. Фунтов шесть“. „Фунта четыре!“ — так женщина говорит тоже. По четыре раза ударят [шерстобиты «заказницу»] плетью ли, чем ли... Она [„заказница“] идет дальше, к котовалам, ведь „шерсть избили“ уж ей! Котовалы... перебрасывают её так, этак... ворочают — ну, как валенки катают!»¹¹.

⁷Там же.

⁸Альбинский В. А., Шумов К. Э. Указ. соч. С. 175.

⁹Об этом см.: Лурье М. Л. Ряженный и зритель: формы и функции ритуального контакта (битье) // Судьбы традиционной культуры: Сб. статей и материалов памяти Ларисы Пявлевой / Ред.-сост. В. Д. Кен. СПб. 1998. С. 106—127.

¹⁰Альбинский В. А., Шумов К. Э. Указ. соч. С. 177.

¹¹Там же. С. 175.

Характерно, что неряженные, включаемые в действие, выступают здесь, согласно логике игровой ситуации, или как «заказчики», или как «материал», причем довольно часто роли эти парадоксальным образом совмещаются (что видно и из приведенных текстов). Так, например, в игре «блины печь» неряженная девушка «играет» одновременно сковородку (ее смазывают салом, на нее льют тесто) и едока блинов (ситуация обыгрывается как кормление: «подбавь ей еще», «эта горячие любит» и т. п.). Изменяющие действительность акты, которые совершают персонажи-мастера (ряженные), направлены непосредственно на тех, кто включен в игру (неряженных), и именно на последних сказывается результат: они либо приобретают что-то как заказчики-покупатели (пациенты), либо меняют свое качественное состояние как материал, становящийся вещью (или как выздоровевший больной).

При этом необходимо учесть ритуальный аспект святочного обрядового ряженья (и конкретнее, игр контактного типа), высвечивающий диспозицию ряженный — знающий — посвященный — неряженный — профан — проходящий ритуальное испытание. И в этом плане неряженные, вводимые в игру и вынуждаемые вступать в контакт с округниками, действительно предстают как бы материалом и заказчиком ритуального акта одновременно: то, что делают ряженные, они делают с ними и (с точки зрения ритуала) для них. Те сдвиги, изменения, которые производят персонажи-профессионалы, касаются именно подвергающихся ритуальному воздействию неряженных участников святочной посиделки.

Чтобы определить теперь общую ритуальную роль самих ряженных-профессионалов, отметим еще одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что мы привыкли видеть в ряженных мир наизнанку, своего рода антимир. Действительно, такова феноменологическая позиция мира в его нормальном, не маргинальном состоянии. Но в период святок, когда мир утрачивает привычную стабильность и все обычно устойчивые границы временно рвутся, ряженные выступают как раз в качестве референтов правильного (для святок!) мира, диктующего временно оказавшемуся в слабой позиции «неряженному» миру свои законы.

Так что мир ряженных оказывается еще и законодательным институтом. Не случайно в крестьянских рассказах о жестоких и бесцеремонных выходах округников столь часто звучат формулы-сентенции: «Раз святки — значит, святки»; «Ничего не поделаешь — святки» и т. п. Высказывания такого рода чрезвычайно показательны: в них проявляется как признание специфичности святочного состояния мира и особого, верховного статуса ряженных в этот период, так и смирение перед данным порядком вещей, убежденность в его непреложности.

Согласно святочному видению, наоборот, «обычный» мир предстает неправильным, неполноценным, профанным. Это недоделанный мир — и его необходимо исправить: вылечить, починить, довести до ума, досоздать

или пересоздать все его элементы. Зерно должно стать мукой, тесто — блинами, шерсть — валенками, железо — деталью, девица — женой; лошадь должна быть накормлена и подкована, рыба — выловлена, лисица — подстрелена, виновные — изобличены. Осуществить все это и призваны ритуальные мастера правильного, святочного мира — ряженые умельцы-профессионалы: кузнецы, мельники, охотники, судьи, священники и т. д.

В этой связи чрезвычайно показательной становится зафиксированная в Смоленском уезде традиция. Почти каждая новая игра предваряется примерно одной и той же прелюдией: «На кабылу садитца ахотник. ... Выежжати юн у хату: „Здрастуйтя, гасапада мужики! Пазвольтя са свайго тёмныва лесу Злыдню выгнать?“ — „Пайзвольтя спрасить, аткуда вы такія юсть, с каких паместиу вы находитесь сами? Ти юсть у вас удаставьрениа, што вам можна ганять ахоту?“ Прачитали удаставирениа, дазволили яму са свайго тёмныга леса Злыдню выгнать»; «...Самы стыять, побычь карыта; дазвальяюцца: „Гасапада хрестіяни, ти ня можна у вась рыбы палауливать?“ — Покажитя удаставьрениа, што вамъ можна рыбу лавить. Прачитали удаставьрешя; пазволили имъ рыбу лавить»¹².

Мастерам как бы приходится документально подтверждать свою профессиональную квалификацию, свое право на участие в ритуальной доработке мира.

Таким образом, профессиональные маски ряженья наиболее точно и адекватно символизируют позицию ряженных в целом как ритуальных дел мастеров. А это, в свою очередь, ставит следующий вопрос: требовалась ли какая-то определенная квалификация от самого наряженника или же надеть маску и стать вершителем ритуальной игры мог каждый?

Не затрагивая социополовозрастных критериев допустимости человека к участию в ряженье, остановимся на индивидуальных. Мы не располагаем сведениями о существовании жесткого отбора, механизмов и критериев этого отбора — представляется, что ничего такого и не было. Однако достаточно многочисленны указания на то, что ту или иную роль исполнял определенный человек:

«Я так, допустим, мядведем любил наряжаться. Ну от, бярешь большую шубу. ...Вот эта, выворачиваешь вверх шерстью, понимаешь? Ну и вот, залезаешь туда, в рукава, эта, руки, понятно? Ну и ноги там завязываешь, маску такую делаешь. <...> Из картона там придумываешь, потом обтягиваешь тоже шкуринкой такой, ну и получается мядведь»¹³;

«Сиротинка сряжалася. Василий Прокопьевич Сазонов, он один токо плясал»; «У нас Василий Прокопьевич Сазонов... беда уж он любил выколочивать с этой кобылкой! Ак ведь пожилой был уж!.. А „водил“ кобылку Темников Александр Павлович, двоюродный брат мой. Ох, уж как они

¹²Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник: Вып. 4. М., 1903. С. 1,7.

¹³Лулье М. Л. Эротические игры... С. 203.

плясуны были, как вприсядку доказывать! Гармонщик сам знат, какую игру им надо»¹⁴.

В приведенных фрагментах, по сути дела, говорится о специальных приемах, знании деталей, сработанности окрутников-ансамблистов — все это черты профессионального владения техникой, в данном случае мастерством ржания в определенных персонажах.

Для исполнения некоторых ролей требовались подчас вполне определенные качества, необходимые для проведения тех ритуальных испытаний, которым подвергали окрутники других участников святочной гулянки. Часто говорится о том, что в таких-то персонажах ржались только «бесстыдники, страмщинники, матершинники»:

«У нас пест налажали. Деревянной. Которой парень умеет скверно-словиться, он и надевает, привязывает пест меж ноги, на лямках, на шею [висит]. На игришке ить што хошь говорят, не очураются!.. Говорят все так связно, как стихами. У ково натура бойка была, ево везде и шахали! Ну, толкали, как рукомойника! На игришке все спрашивали»¹⁵;

«Это „судили“, вы знаете, что? У нас такой парень был, он такой, знаешь, ну он ни похабно, ни что не стыдился все играть такую ерунду. Да, вот возьмет знаете, что — лапыть, вот сюда привязить [к ширинке], вот так»¹⁶.

Встречаются и рассказы о людях, в целом профессионально владевших ремеслом святочного ржания, выступавших как бы в качестве сценаристов и режиссеров. На них, по-видимому, в известной мере лежала особая ответственность за правильную организацию важного ритуального действия:

«По правде сказать, я все правил. Это мы с робятами мельника делали... У нас дядюшка был. Зарубин Иван Ефимович, мирской, он все делал. Он девять годов в армии служил, на германской был, в ту воевал. А я у дяди все подсматривал»¹⁷.

Отметим особенно важный здесь для нас момент указания на трансмиссию, своего рода обучение у мастера: «Я у дяди все подсматривал».

И наконец, важную информацию для ответа на вопрос, всякий ли мог рядиться, можно извлечь из рассказов другого типа: о том, как кого-то нарядили обманом и впоследствии жестоко поиздевались над ним:

«Это страмшина. У нас в Манушкине покойником брат брата наряжал. Ну к скамейке привязал яво этим, вообще, вярвкой. Чтoб он ня ушел. Принясли яво на этой скамейке сюда на гулянку. ...Вытянули хяренко явонный оттудова. ... Мы ж ня пойдем шшупать, а женщина, та, которая старая, подошла, пошшупала, она говорит: „И, правда, хер!“ Ну, от так.

¹⁴Альбинский В. А., Шумов К. Э. Указ. соч. С. 182.

¹⁵Там же. С. 178.

¹⁶Лурье М. Л. Эротические игры... С. 218.

¹⁷Альбинский В. А., Шумов К. Э. Указ. соч. С. 179.

Этот-то рвется, понимаешь, от скамейки долой, а яму ня оторваться ж. И все. ... Посмялся. А он так и улег сразу, как вярвекку отвязали, ну и больше на гулянку ня пришел»¹⁸.

«У нас на смеху держали парня. Васька, звали Козлом. Все говорил: „Козу мать!..“ Васька „просил“ [напращивался, дразнил любителей игрищного ряженья]: „Не средите меня никакого-ся!“ Ну ево и сделали мельником: повалили ево на лавку... руки-ноги привязали, руки по локти привязали. Дали в руки камешки. ... Он камешки етак трет друг о дружку, будто жернова мелят. Поглядыват на нас: ему любо кажется! Потом ребята подошли: кто пёрнет, кто задницей сядет на лицо ему, кто иное заводит. Потом жо он заревел. А потом ево на улицу выбросили [вместе с лавкой], на снег. Кто прибежит, за ножки вместе с лавкой перевернет... Потом отвязали ево, и он убежал домой. Больше не ходил»¹⁹.

Таких рассказов довольно много, иногда «розыгрыши» запрограммированы сценарием, но мы специально отобрали те варианты, где сама игра не предполагает подвоха для одного из наряженных, и поэтому столь показательна (особенно во втором случае) резкий переброс навязавшегося в округники профана в позицию наряженного, подвергающегося жестоким и унижительным испытаниям. Настоящие, «право имеющие» мастера указывают самозванцу-дилетанту его истинное место — по ту сторону ритуальных баррикад, что всегда заканчивается бегством последнего с игрища.

¹⁸Лурье М. Л. Эротические игры... С. 212.

¹⁹Альбинский В. А., Шумов К. Э. Указ. соч. С. 179.